

КЛУБНЫЕ ВСТРЕЧИ

«АКТЕРОВ НУЖНО ОГРАЖДАТЬ
ОТ НОРМАЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

Вячеслав ВОЙНАРОВСКИЙ:

Встр. издб. - 2001. - 21 сент. - с. 11

НА САМОМ ДЕЛЕ
ЛЕТУЧАЯ МЫШЬ —

Когда Вячеслав Войнаровский выходит на сцену Музыкального театра имени Станиславского и Немировича-Данченко, публика начинает улыбаться — какой забавный, какой толстяк! У актера редкое амплуа — характерный тенор.

В жизни его тоже отличает редкое чувство юмора. Как только он появляется в театре, все, кто свободен, спешат к нему, потому что знают: в Славиной улыбке прячется самый последний анекдот. Впрочем, если Войнаровский начнет просто читать телефонную книгу, это тоже будет смешно.

— Вячеслав Игоревич, с кого пошла актерская династия Войнаровских?

— Все началось с деда. Еще в 1914 году он выступал в Москве в театре Потопчиной. Был настоящим опереточным героем-любовником. Играл графа Данилу, Эдвина. Мои родители многие годы работали в Хабаровском театре музыкальной комедии. Папа, Игорь Юрьевич Войнаровский, первым в этом театре стал народным артистом РСФСР. Столь высокое звание артисту периферийной оперетты получить было непросто. Он был любимцем хабаровчан. Мама начинала субреткой, затем перешла на характерные роли.

Можно без преувеличения сказать, что мое детство и юность прошли в театре. Я знал наизусть весь репертуар, мог с любого места пропеть и рассказать «Свадьбу в Малиновке», «Трембиту», «Принцессу цирка».

— А петь когда начали?

— Когда увидел фильм «Великий Карузо» с Марио Ланца. Говоря современным языком, я отпал: голос Марио Ланца меня очаровал, я не слышал ничего подобного! Я выходил после сеанса и снова покупал билет. И это продолжалось снова и снова. Думаю, если бы Марио Ланца пел баритоном, я бы тоже стал баритоном. Но он был тенором, и я стал тенором. Может быть, и скорее всего, я просто сначала подражал. Я пел и пел. Остановить меня было уже невозможно.

— Родители поощряли ваши театральные интересы?

— Они сразу поняли, что это всерьез и надолго. В то время, а это был 1965 год, в Хабаровск приехала группа молодых артистов, выпускников ИТГИСа. Хорошо выученные, профессиональные, они сразу же заняли в театре ведущее положение. Я тоже решил учиться в ГИТИСе, поехал в Москву и, к моему удивлению, поступил с первого захода.

— Кто были ваши учителя?

— Курс набирал Иосиф Михайлович Туманов, ученик Станиславского, замечательный мастер. Вокалом я за-

нимался у Доры Борисовны Белявской. Это целая эпоха в ГИТИСе. Она знала все секреты вокальной школы. Мне кажется, у Доры Борисовны даже обыкновенный стол запел бы арию Рудольфа и взял бы верхнее до.

— А после ГИТИСа?

— Меня очень активно приглашали в Ленинградский мюзик-холл. Тогда этот коллектив гремел по всей стране, часто выезжал за рубеж. Но я мечтал о театре. Мой первый в жизни сезон прошел в только что открывшемся Саратовском театре оперетты. Играл я много, но на душе кошки скребли. В серьезных ролях меня публика не воспринимала, а в комических мне не хватало пения.

— Стыдно было перед Марио Ланца?

— Вот именно. И здесь могло помочь только маленькое чудо. Примерно так и случилось. В роли волшебника выступила моя дорогая Дора Борисовна. Она позвонила в Саратов и сказала, чтобы я срочно мчался в Москву: в Музыкальном театре объявлен конкурс на вакансию характерного тенора.

Это теперь в нашем театре мощная охрана. А тогда сидела у служебного входа милая старушка, Анна Владимировна, и так ласково она меня приветила, что я решил — костюми лягу, но отсюда не уеду!

— Костюми ложиться не пришлось?

— Честно говоря, я опоздал. Но меня прослушали. И вообще встретили очень тепло. Театр был на подъеме, у его руля стояли прекрасные мастера: главный режиссер Лев Дмитриевич Михайлов и главный дирижер Дмитрий Георгиевич Китаенко.

— Я помню ваш дебют в «Катерине Измайловой». Какой это был потрясающий спектакль!

— Наверное, заметили мое волнение. Партия Бориса Тимофеевича вокально очень сложна. Музыка Шостаковича — это совершенно особый мир, в него непросто войти. Помню репетиции Китаенко. Мы разбирали каждый такт. Постепенно музыка ожи-

вала, становилось понятно, что хотел выразить композитор. Было трудно и безумно интересно.

— Я вижу, вам нравится преодолевать трудности.

— Конечно, это же составляет суть нашей профессии. Не успел отойти от Шостаковича, как новое испытание. Музыкальный театр первым в стране ставил «Байку» Игоря Стравинского. Я пою партию тенора. Это был настоящий эксперимент. Стиль Стравинского тоже надо раскусить. Жаль, что музыка этого гениального автора звучит повсюду, кроме его родины. Мы обкрадываем себя!

— Вы выступаете в нескольких спектаклях Большого театра. Не напугала огромная сцена?

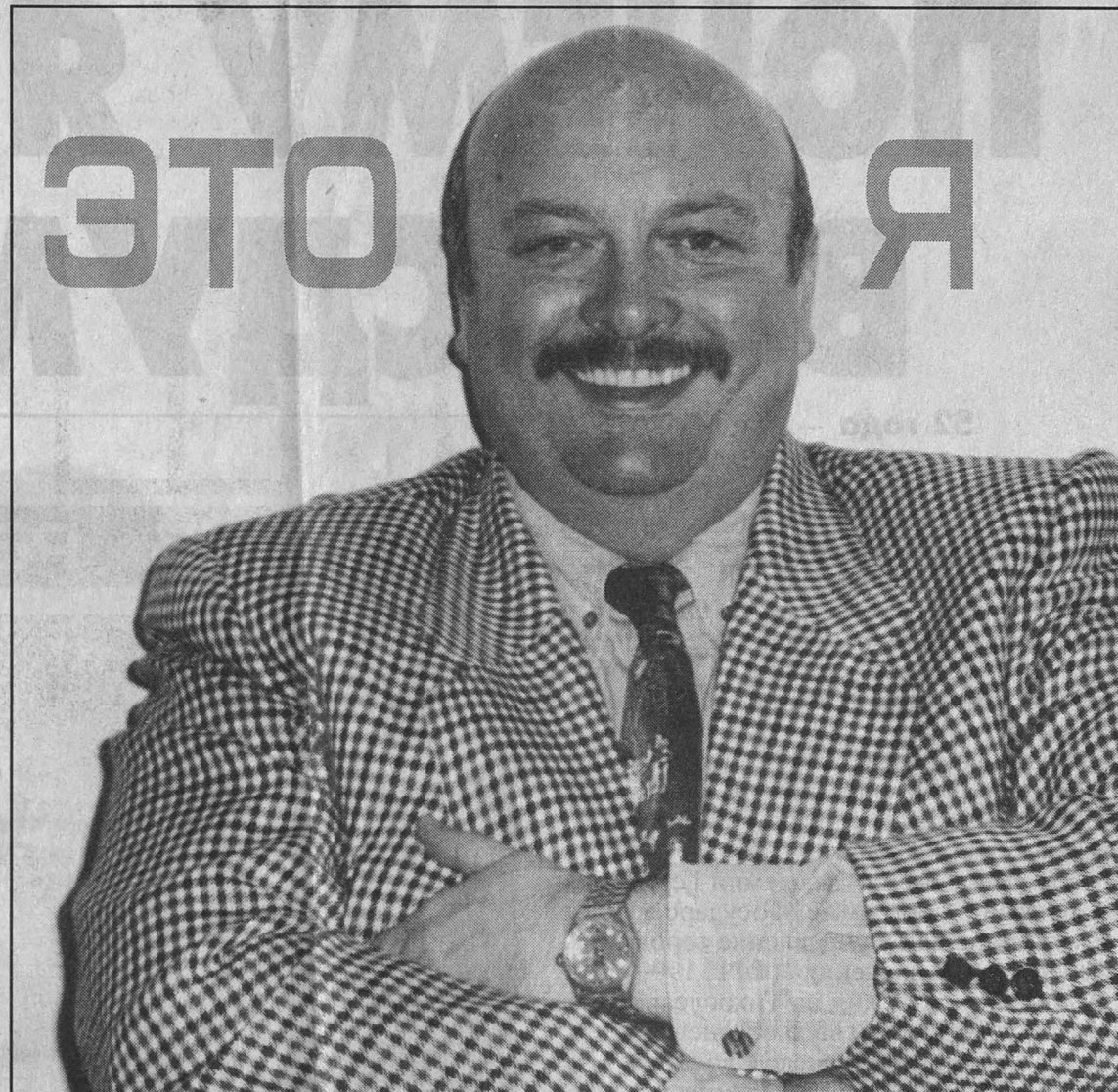
— Оказывается, она не такая уж огромная. Судовольствием пою Труффальдино в «Трех апельсинах», выступаю в «Прекрасной мельничихе». В «Онегине» я — Трике.

— Внимательный зритель замечает, что вы довольно часто и на длительное время покидаете Музыкальный театр.

— У меня было несколько контрактов за рубежом. Например, три года работал в Венской камерной опере. Первой моей ролью в Вене стал Альфред в «Летучей мыши». Представьте, каково артисту из России играть в оперетте Штрауса в Вене?! Разумеется, на немецком языке, в котором я ни бум-бум! Только в день премьеры понял, на что решился. Но отступать было уже поздно. Слава Богу, все прошло спокойно, меня даже похвалили пресса. Но, пожалуй, самое яркое венское впечатление — это участие в «Свадьбе Фигаро» на летнем фестивале в Шенбрунне. Я пел Базилио, а доктора Бартоло пел Евгений Нестеренко.

— Недавно состоялась ваша встреча с «Летучей мышью» и в вашем родном Музыкальном театре. Чем для вас интересен этот спектакль?

— Теперь я играю Фальке. Александр Борисович Титель вернулся к первоначальному варианту пьесы, поэтому это совсем другой Фальке, не

тот, что хорошо знаком всем нам по пьесе Эрдмана и Вольпина. Именно Фальке ведет здесь всю интригу, и даже он, а не Розалинда, появляется в костюме летучей мыши.

А вообще здорово, что Музыкальный театр вернулся к жанру классической оперетты. Когда я пришел в театр, мы играли «Прекрасную Елену», «Донью Жуаниту», «Нищего студента». Затем Владимир Аркадьевич Канделак поставил «Цыганского барона». Вот кто был настоящим волшебником жанра! Таких зубров уже не осталось.

— Москвичи помнят вас в спектакле Евгения Петросяна «Доброе слово и кошке приятно», он довольно долго шел в Театре эстрады. А потом вы были участником программы «Ах, анекдот, анекдот». Это уже в зале «Россия». Как складываются ваши отношения с эстрадой?

— Эстрада моя давняя подружка и... кормилица. Думаете, я бы прокормил мою семью на актерскую зарплату? А ведь у меня двое детей. Именно для эстрады я приготовил пародию на Лучано Паваротти. Этот номер проходит на любой аудитории. А еще с Володи Кудряшовым мы пели русские народные песни, частушки. Исколесили весь Советский Союз.

— Итак, вы артист синтетический: поете в опере, играете в оперетте, выступаете на эстраде, дружите с телевидением. О чем еще мечтаете?

— Очень хочется попробовать себя в жанре мюзикла, которому так не везет в Москве.

— И в чем же, на ваш взгляд, причина невезения?

— У нас не готовят артистов для этого жанра.

— А вы готовы к встрече с мюзиклом?

— Мне кажется, да.

— Есть у вас хобби?

— Хобби у меня своеобразное. Я люблю встречаться с талантливыми людьми.

— Были такие встречи в последнее время?

— Да, и очень интересные. В спектакле «Птицы» в Театре эстрады играл вместе с Геннадием Хазановым. То, что он прекрасный артист, знают все. А я узнал, насколько это творческая личность. После каждого спектакля Гена разбирал наши сцены. Предлагал новые варианты. Иногда будил меня ночью: «Слава, у меня идея!»

Недавно я вернулся из Италии — принимал участие в постановке оперы Римского-Корсакова «Майская

ночь». Играл Винокура, а дирижером и музыкальным руководителем был Владимир Юровский, сын хорошо известного в Москве дирижера Михаила Юровского. Сегодня на Западе молодого Юровского считают одним из самых перспективных маэстро. В новом сезоне Володя придет в Москву и будет дирижировать в Большом зале консерватории. Рекомендую читателям «Вечернего клуба» не пропустить эти концерты.

— Подарите нам какой-нибудь анекдот или забавный случай.

— После премьеры спектакля «Доброе слово и кошке приятно» ко мне подошел Леонид Осипович Утесов. Поздравил. Обнял. Я, конечно, на седьмом небе: сам Утесов поздравил. А Леонид Осипович смотрит на меня внимательно и спрашивает: «А вы не слышали о таком великольном опереточном артисте тоже по фамилии Войнаровский. Правда, это было очень давно, в Одессе». «Это мой дед», — с гордостью отвечаю я. «Так вот, — говорит Утесов, — в 1908 году я вашему дедушке чемоданы таскал, а он мне контрамарки дарил. Вам до него еще далеко».

Встречался
Игорь КАЗЕНИН